

В. В. ГУСЬКОВ

ст. научный сотрудник кафедры литературы БГПУ

**ОТ ПАТЕТИКИ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ОБЪЕКТИВНОСТИ «СОЛЖЕНИЦЫНСКОГО» ТИПА
(Специфика тематико-мотивного комплекса
произведений К. Овечкина)¹**

О сложностях и проблемах, возникших при изучении творчества Константина Овечкина, уже доводилось писать в статье «Загадки Овечкина, или О трудностях исследования региональных авторов»².

Большой загадкой оказались не только вехи биографии писателя, но даже дата его рождения. Более или менее достоверная информация о судьбе Константина Севастьяновича была найдена лишь в региональной Книге Памяти Хабаровского края (выпуск 6, книга 1), в которой дословно сказано: «Род. в 1921. Участвовал в боевых действиях с августа по сентябрь 1945 на 2-м Дальневосточном фронте в составе 2-й Краснознамённой армии. Корреспондент армейской газеты, лейтенант. Награждён: орден Отечественной войны II степени, медаль “За победу над Японией”»³.

Эта информация, касающаяся военного этапа в судьбе писателя, лишь немногим дополняет отдельные скудные сведения, полученные из аннотаций к его книгам, из критических статей, посвящённых «разбору» произведений, а также из справки о нём в аннотированном указателе А. В. Лосева⁴.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Литературное краеведение: создание фундаментального историко-литературного труда – Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI вв.», проект № 11-04-00087а.

² Лосевские чтения – 2010: Материалы региональной научно-практической конференции. Выпуск 3. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 82–86.

³ Книга Памяти: Здесь названы жители Хабаровского края...: Выпуск 6. Книга 1. – Хабаровск, 2010. С. 324.

⁴ Лосев А. Приамурье в художественной литературе: Аннотированный указатель. – Благовещенск: Амурск. кн. изд-во, 1963. С. 57.

Отсутствие экстралитературной информации затрудняет изучение творчества художника, однако произведения, являясь самостоятельными, а порой и самодостаточными феноменами действительности («живут своей жизнью»), всё же требуют систематизации, изучения и оценки.

Художественное творчество Овечкина представлено прозой и поэзией. Константин Севастьянович – автор более сотни стихотворений, большая часть которых вошла в три поэтических сборника⁵. Также на его счету около девяти десятков известных нам произведений малой и средней эпической формы, большую часть которых составляют рассказы и очерки.

Если попытаться тематически упорядочить творчество К. С. Овечкина, то почти все его произведения, как прозаические, так и поэтические, можно условно разделить на три основные группы.

Первая – произведения, посвящённые событиям Великой Отечественной войны, существенный блок среди них составляют рассказы и стихотворения о действиях Красной Армии на Дальнем Востоке незадолго до и сразу после начала военных действий против милитаристской Японии.

Вторую группу представляют произведения, описывающие людей разных профессий, людей труда (рассказы: «Сарана», «Телеграмма», «Агрономша»; цикл рассказов «Голубой огонь» из одноимённой книги; стихотворения с характерными названиями: «Агитатор», «Геолог», «Шахтёр», «Шофёр», «Электросварщик»).

Третью же группу произведений можно условно обозначить заглавием самого первого поэтического сборника Овечкина – «Сторона родная». Комплекс произведений, составляющих данную группу, один из самых ожидаемых. И не только у региональных авторов.

---

⁵ Поэтические сборники К. Овечкина: Сторона родная: Стихи. – Благовещенск: Амурск. кн. изд-во, 1950. 63 с.; Песня над Амуром: Стихи и поэмы. – Благовещенск: Амурск. кн. изд-во, 1956. 71 с.; Здравствуй, друг! – Благовещенск: Амурск. кн. изд-во, 1958. 109 с.

Основные, характерные для всего творчества Овечкина темы представлены уже в данном сборнике.

В аннотации к нему Анатолий Васильевич Лосев указывает именно на это. *«Преобладающие темы, – пишет исследователь, – любовь к родному краю, восхищение красотами приамурской природы. В ряде стихотворений поэт стремится воспеть трудовые подвиги своих земляков, а в цикле “Памятный год” прославляет освободительный поход Советской Армии в Маньчжурию в августе 1945 года»*⁶.

Несмотря на очевидность тематического разграничения, границы между группами довольно условны. В ряде произведений можно столкнуться с реализацией автором двух или даже трёх указанных основных тем. Примеры подобного синтеза можно встретить как в прозе, так и поэзии Овечкина. И это не случайно.

Свой воинский долг в годы войны Константин Севастьянович выполнял на Дальнем Востоке. С августа по сентябрь 1945 года в составе 12 стрелковой дивизии он принимал участие в кампании против японских войск.

Изображая в качестве корреспондента события военные, автор не мог не показать и людей, совершавших военнотрудовой подвиг во имя скорейшего окончания Великой Отечественной войны, не остановить в восхищении свой взгляд на столь близкой ему дальневосточной природе, приметах и отметах родного края.

Неординарное, исторически значимое событие, опасное для жизни, но осознаваемое как героическое, обострило внимание художника к людям, к природе. Такое мировосприятие, обусловленное к тому же идеологическими установками и стереотипами, видимо, и определило три центральные в творчестве Овечкина темы.

Органичное их соединение мы находим, например, в рассказе «Одно дыхание» (сборник «Сарана», 1962). Повествование в нём ведётся от лица бригадира слесарей Дмитрия, который направляется в начале 60-х годов вместе с профсоюзной делега-

---

⁶ Лосев А. Приамурье в художественной литературе... С. 57.

цией в китайских город Сунью. Эта поездка пробуждает в нём воспоминания об одном из «боевых» эпизодов августа 1945. Разведчик Митя и его товарищ Алим Батыров за несколько часов до полномасштабного выступления 9 августа против Японии получают важное задание: «<...> Высадиться на тот берег и разведать пути, по которым будет наступать полк»⁷. Выполнив успешно данное поручение и указав координаты огневых точек японцев, герои после форсирования нашими войсками Амура и закрепления плацдарма отправились выполнять следующий приказ, но уже в глубь Маньчжурии. В сложных боевых условиях разведчики «напоролись на мину» и получили серьёзные ранения. Однако чудесным образом на чужой территории, когда нельзя было ждать ещё помощи от своих войск, потерявшие сознание Митя и Алим оказались спасены.

Повествование о разведчиках сопровождается описанием места действия и условий: «Мы жили на самом краю России, в двадцати километрах от Благовещенска»; «Август 1945 года был на редкость ненастным. Сутками лил дождь – мелкий, холодный. Небо затягивалось пеленой. Серая морось покрывала всю реку. Чужой берег был не виден»; «Там, за Амуром, копошились японцы, от которых всего можно было ожидать»⁸.

Автор рисует очень важную примету русского Приамурья – близость к другому государству, государству с иной культурой, языком и традициями: «На той стороне <...>, напротив нашей землянки, была деревня. Виднелись низкие серые фанзы, пустынные улицы»⁹. Однако разделённые Амуром страны в рассказе не противопоставляются. Несмотря на подчёркнутые отличия, у двух народов оказывается один порыв, одно дыхание в борьбе против общего врага. Название же рассказа становится метафорой дружбы, возникшей между советскими воинами и китайскими партизанами в дни совместных действий против японцев. Именно ею повествователь объясняет чудесное спасе-

---

⁷ Овечкин К. С. Одно дыхание // Овечкин К. С. Сарана: Рассказы. – Благовещенск, 1962. С. 53.

⁸ Там же. С. 51–52.

⁹ Там же. С. 51.

ние подорвавшихся на mine разведчиков: «<...> Только верные друзья могли так поступить – рискуя своей жизнью, подобраться к японскому доу и вынести нас с Алимом...»¹⁰

Мотив дружбы между русским и китайским воинами, а по большому счёту и народами, является одним из ключевых не только в военной прозе Овечкина. Именно им определяется и патетический модус стихотворений из цикла «Здравствуй, друг!».

Первые публикации отдельных произведений этого цикла состоялись в 1957 году в альманахе «Приамурье»¹¹ и газете «Амурская правда»¹².

Цикл состоит из трёх своеобразных подциклов. И каждый из них раскрывает многозначность обращения «друг».

Первый подцикл, без названия, включает шесть стихотворений. В одном из них – «Братья» (1945) – дружба достигает своей высшей формы – дружбы братской:

Руку мне подаёт,
Рад нашей встрече.
Партизан-патриот
Стиснул мои плечи.

Счастьем светится взгляд.
Сели на циновку.
Рядом две лежат
Верные винтовки.
<...>

На двоих котелок
Каши ароматной.
– Пын-ю чи!
– Ешь, дружок! –
Говорим от души,
Словно брат брату¹³.

---

¹⁰ Овечкин К. С. Одно дыхание... С. 60.

¹¹ Стихи молодых поэтов Китая. Перевод К. Овечкина // Приамурье: Литературно-художественный альманах. № 6. – Благовещенск, 1957. С. 20.

¹² Овечкин К. С. Здравствуй, друг! Стихи // Амурская правда. 1957. 24 февр.

В этом поэтическом произведении дружба двух воинов трансформируется в братскую дружбу двух народов. Правда, уже в первом стихотворении цикла («Незабываемое», 1945) эта братская дружба представлена как отношения между старшим и младшим братьями:

Когда сегодня о Китае
Мой друг беседу поведёт,
Невольно я припоминаю
Суровый сорок пятый год.

<...>

Жестокий бой на горной круче.
Японцы смяты. Город взят.
Сердечным словом, самым лучшим,
Китайцы нас благодарят.

Повсюду взрослые и дети
Стоят с поклоном до земли...
Всё помню. И горжусь, что это
Мы им свободу принесли¹⁴.

Своё старшинство по отношению к китайскому народу лирический герой ощущает не только на правах освободителя, участника борьбы с японскими милитаристами. Он осознаёт, что именно советский народ помог строительству в Китае нового общества, на новых – социалистических – основах. Поэтому в стихотворениях данного цикла сквозит не только вера в нерушимую, закалённую войной «боевую» дружбу двух народов, но и надежда и даже видение дружбы мирной, трудовой.

Так, в стихотворении «Джалинда» лирический герой строит вместе с китайским рабочим Джалиндинскую ГЭС¹⁵ с верой, что

---

¹³ Овечкин К. С. Здравствуй, друг! – Благовещенск: Амурск. кн. изд-во, 1958. С. 79–80.

¹⁴ Овечкин К. С. Здравствуй, друг!.. С. 77–78.

¹⁵ Строительство данного гидроузла было лишь в планах. Очевидно, в 50-е годы XX столетия эти планы были многим известны. Кстати, не потеряли сво-

И зажгутся огни
В нашем крае, в твоём.
А чтоб были они,
Вот сейчас мы идём¹⁶.

В следующем подцикле – «В гостях у друга» – обращение «друг» адресовано прежде всего боевому товарищу – китайцу Лю Чену, с которым лирический герой встречается более чем через десять лет и который сопровождает его в путешествии по Китаю. Но другом оказывается и сам Китай, его города, ландшафты, природа. Бывшему воину, как бы повторяющему свой боевой путь, всё оказывается одновременно и знакомым, дружественным, и незнакомым. Но это не смущает, не отталкивает, а скорее радует героя. Именно восторг по поводу происходящих в Китае перемен окрашивает звучание стихотворения «В Пекине»:

Я в этот город сердцем рвался.
Я так наслышался о нём.
Он предо мною показался
В убранстве праздничном своём.

<...>

Себя здесь чувствую свободно,
Здесь день бы прожил не один.
Но я пойду туда сегодня,
Где новый строится Пекин¹⁷.

Радость лирического героя крепнет от осознания того, что и он сам в качестве воина заложил основы преобразований в

ей актуальности они и в начале XXI века. См., например: Ежеквартальный отчёт эмитента эмиссионных ценных бумаг за I квартал 2002 г. Открытое акционерное общество энергетики и электрификации «Амурэнерго». – Режим доступа:

http://www.lin.ru/db/emitent/474138C98563AE6AC3256D3D0056B9BD/section/commom/section_index/1/disl_doc.html – 11.05.2011.

¹⁶ Овечкин К. С. Здравствуй, друг!.. С. 88.

¹⁷ Там же. С. 89–90.

Китае, что он представляет страну, способную изменить в лучшую сторону жизнь в другом государстве:

На Шанхай спустилась мгла вечерняя.
Где-то плачет колокол, звеня.
Пагода задумчивая, древняя
С удивленьем смотрит на меня.

Разве знала, к стонам лишь привычна,
Что она увидит новый век,
Что придёт к ней в летний день обычный
Из страны советской человек.

(«Пагода»)¹⁸

Третий подцикл раскрывает ещё один смысловой потенциал обращения «Здравствуй, друг!». Называется он «Строки друзей (переводы)». В самом сборнике (опубликованном в 1958 году) нет никаких пояснений по поводу этих стихотворений. Однако их можно обнаружить в редакторском предисловии к данным переводным произведениям в альманахе «Приамурье»:

«В конце 1956 года состоялось Всекитайское совещание молодых писателей. Оно явилось ярким свидетельством бурного развития литературы нового, свободного Китая. Недавно в Пекине вышел в свет сборник “Мы любим свою Родину”, где собраны произведения участников совещания. Благовещенский поэт Константин Овечкин, побывавший в Китайской Народной Республике с группой советских туристов, перевёл из сборника несколько стихотворений, которые помещаются ниже»¹⁹.

Таким образом, в этом подцикле своими друзьями амурский литератор называет молодых китайских поэтов – Мэй Ли Чи Кэ, Хэ Ли, Чжан Чжи, Ли Мо, Хэ Кэй, Шао Янь-сян.

Друзьями, согласно духу времени, оказываются те, кто изображает людей труда, горячо приветствует преобразования в КНР. Данью времени оказывается и сам мотив дружбы двух

---

¹⁸ Овечкин К. С. Здравствуй, друг!.. С. 92.

¹⁹ Овечкин К. С. Ребята: Стихи // Приамурье: Литературно-художественный альманах. № 6. – Благовещенск, 1957. С. 21.

народов, та патетика, с которой автор говорит о взаимоотношениях китайского и советского воинов.

Но тема дружбы двух народов не является основной в творчестве Овечкина. Более широкой и в художественном отношении более качественно проработанной всё же остаётся тема военного подвига советских солдат в августе 1945 года.

Как известно, 2-я Краснознамённая армия, в которой служил Константин Овечкин, первоначально выполняя задачи по охране дальневосточных границ СССР, в дни активных действий против японских захватчиков приняла боевое участие в Маньчжурской операции (точнее в её части – в операции Сунгарийской). В ходе наступательных действий она форсировала реки Амур и Уссури, осуществила стремительный переход через горный хребет Малый Хинган и освободила от японцев такие китайские города, как Сахалин (Хэйхэ), Суньхэ, Сунь, Лунчжэнь, Бэйаньчжэнь, Цицикар и Мэргень (Нэньцзян).

Особенности восприятия молодым лейтенантом военных действий, разворачивавшихся на территории Китая, его чувства и мысли нашли отражение в целом ряде посвящённых войне стихотворений.

Об этом читатель имеет возможность узнать, познакомившись также с повестями, рассказами и очерками Овечкина.

Основным мотивом зрелого творчества Константина Севастьяновича, реализуемым в его прозаических произведениях, является мотив памяти-долга перед теми, для кого война не закончилась весной 1945 года. Перед теми, кто обязан был внести, порой и ценой своей жизни, важный, по сути, решающий вклад в дело прекращения одного из самых кровопролитных конфликтов в истории человечества²⁰.

---

²⁰ «Советско-японская война имела огромное политическое и военное значение. Так, 9 августа на экстренном заседании Высшего совета по руководству войной японский премьер-министр Судзуки заявил: “Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны”» (Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Советско-японская_война).

О том, что произведения, посвящённые советско-японской кампании, написаны по велению некоего нравственного императива, свидетельствует предисловие к повести «Через Малый Хинган» (1985). В нём автор рассказывает о счастливой встрече в Хабаровске со своим сослуживцем, долгие годы числившимся среди однополчан погибшим в Маньчжурии (якобы от рук не смирившихся с поражением самураев уже после подписания Японией капитуляции). Именно он, чудом выживший в этой послевоенной схватке товарищ рассказчика, побуждает последнего вернуться к данной теме: *«В тот день, кроме радости встречи, я унёс с собой чувство вины перед своими фронтовыми товарищами. / И я решил взяться за перо»*²¹.

В рассказах и повестях, написанных после этого случая, центральное место занимает именно повествование о самих войнах, и прежде всего – о подвигах воинов-амурцев, дальневосточников.

Так, например, в рассказе «У реки Суньбилахэ» описывается подвиг скромного, не любившего распространяться о своей службе жителя села Тамбовка, а на войне ручного пулемётчика Григория Михнюка. Он не только сумел в одиночку долгое время отстреливаться от окружавших его японцев, но и нашёл в себе силы и мужество после того, как кончились патроны, а кольцо окружавших его врагов сомкнулось, вступить в рукопашный бой и в одиночку победить шестерых самураев, сохранив тем самым себе жизнь. При этом описание подвига не лишено и некоторой доли юмора: своих врагов Григорий сокрушил, удальски размахивая, казалось бы, уже бесполезным пулемётом.

Обращение к теме памяти приближает Овечкина к таким известным отечественным литераторам, как Твардовский, Ахматова, Солженицын и другие. Подчёркивается это и тем уникальным, практически исключительным местом, которое занимает автор в ряду «мемористов»: в отечественной литературе тема советско-японской войны 1945 года разработана слабо. И

---

²¹ Овечкин К. С. Время, полное тревог: Документальные повести и рассказы. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1985. С. 10.

на этом фоне творчество Овечкина – не просто художника, но и участника событий – оказывается очень ценным.

Стремление быть честным и объективным в раскрытии данной темы, желание не погрешить перед памятью сослуживцев определяют и художественное своеобразие произведений. В них рассказ об автобиографическом герое перемежается с историческими экскурсами и справками. Читатель узнаёт не только о бойцах, частных, часто трагических, а порой и курьёзных случаях, но и о ходе самой Маньчжурской операции, крупных её событиях, баталиях. Произведения Овечкина оказываются уникальным свидетельством дальневосточного, амурского писателя о борьбе Красной Армии с японскими агрессорами в Китае. Именно задачей «памяти» обусловлена и повествовательная манера произведений, многие из которых созданы в форме «воспоминаний».

Это стремление быть объективным и правдивым, честным перед истиной также сближает творчество Овечкина с указанными выше мастерами слова. Он пытается решить творческие задачи не только на уровне образов и поэтической техники, но и через жанровые определения: повести и рассказы, вошедшие в сборник «Время, полное тревог», обозначаются как документальные.

Произведения, раскрывающие тему борьбы с японскими милитаристами в Маньчжурии, по праву являются вершиной художественного таланта Константина Севастьяновича. В них очевидно стремление автора к простоте языка и естественности изложения материала, к исторической объективности, к точности передачи деталей. Возможно, проявленное в повестях и рассказах мастерство можно объяснить словами А. И. Солженицына: «Это всегда получается так, если пишешь из густой жизни, быт которой ты чрезмерно знаешь, и не то что не надо там догадываться до чего-то, что-то пытаться понять, а только отбиваешься от лишнего материала, только-только чтобы лишнее не лезло, а вот вместить самое необходимое»²².

---

²² Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 3. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1997. С. 21.

И хотя так Александр Исаевич объяснял специфику написания «Одного дня Ивана Денисовича», своего первого опубликованного рассказа, принципы, обозначенные в пояснении, отразились и в произведениях, написанных в конце творческого пути художника. А в их числе и тексты, основанные, как и у Овечкина, на личном военном опыте. Это: «двучастный» рассказ «Желябугские Выселки» (1998) и «односуточная» повесть «Адлиг Швенкиттен» (1998).

Вероятно, использование военного опыта в качестве материала для художественных текстов, к тому же с целью отдать дань памяти, определяет некие общие объективные принципы построения подобных произведений. Об этом может свидетельствовать даже поверхностное сопоставление повестей «Адлиг Швенкиттен» и «Через малый Хинган» столь несопоставимых, казалось бы, писателей, как Солженицын и Овечкин. Художники из «разных весовых категорий», разных масштабов, с разными мировоззренческими и эстетическими позициями находят очень схожие пути достижения поставленной цели, суть которой – не дать кануть в Лету военным подвигам конкретных людей. О последнем у Солженицына свидетельствует авторское посвящение (*«Памяти Павла Афанасьевича Боева и Владимира Кондратьевича Балуева»*²³), а у Овечкина – упомянутое выше авторское же предисловие.

Тема памяти определила многое в повестях, в том числе и своеобразии такого аспекта, как хронотоп. Уже сами названия повестей содержат в себе реальные топонимы – «Малый Хинган» и «Адлиг Швенкиттен»²⁴. В произведениях обоих авторов

---

²³ Солженицын А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. Рассказы и Крохотки. – М.: Время, 2006. С. 487.

²⁴ Кстати, они указывают на географические места, расположенные на территории других, чужих по отношению к авторам стран. У Солженицына события разворачиваются на Прусской земле, а у Овечкина – большей частью в исторической области Китая – Маньчжурии. Героям (в прямом смысле этого слова) и в первой, и во второй повестях приходится действовать, проявлять мужество и героизм, бороться с действительно хитрым и коварным врагом именно на неизвестной, чужой земле. И это неоднократно подчёркивается авторами в произведениях.

обозначение населённых пунктов настолько конкретное и точное, что вполне можно составить подробную карту действий и событий. Овечкин упоминает такие населённые пункты, как Константиновка, Поярково (места, с которых начинается форсирование реки Амур), Цикэ, Суньбу, Бэйаньчжень и т. д. Солженицын, чтобы быть достоверным, с лёгкостью и точностью офицера, читающего топографические карты, оперирует топонимами Восточной Пруссии: Адлиг Швенкитген, Кляйн Швенкитген, Алленштейн, Либштадт, Дитрихсдорф и др.

Топографическая точность сочетается с точностью хронографической. У Солженицына каждая из 24 главок «односуточной» повести соответствует определённому часу, что позволяет читателю воссоздать хронологию событий. Овечкин также разбивает свою повесть на несколько главок. Каждая из них соответствует определённому этапу боевых действий 2-й Краснознамённой армии на территории Китая: от подготовки к наступлению до приказа о возвращении на родину.

При этом общая картина в обеих повестях создаётся при отсутствии единой персонажной сюжетной линии. Как мозаичное полотно, она формируется из отдельных фрагментов, из множества сюжетных линий. У Овечкина это повествования о лейтенанте Нестерове, о действиях «ударного» батальона капитана Ярового, о подвигах парторга первого батальона лейтенанта Сергеечева, это и общая сюжетная линия действий 12-й стрелковой дивизии. Солженицын помимо общей сюжетной линии, связанной с маневрированием вслепую тяжёлой пушечной бригады в Восточной Пруссии, вводит линии майоров Боева и Балуева, старшего лейтенанта Кандалинцева, лейтенанта Гусева и других.

Помимо этого, для рассматриваемых повестей характерно обязательное использование военной терминологии; точное обозначение воинских подразделений и даже их состав; упоминание и введение в качестве персонажей реальных офицеров среднего и старшего звеньев. У Овечкина: командующий 2-й Краснознамённой армией генерал-лейтенант Терёхин, командир 12-й дивизии генерал-майор Крючков и другие; у Солженицына:

хоть и неназванный, но легко определяемый начальник артиллерии армии в звании генерал-лейтенанта, офицеры командования пушечной бригады и т. д.

Ко всему прочему произведения автобиографичны. В каждом из них присутствует и действует литературный двойник автора. У Александра Исаевича он появляется эпизодически. Это «командир звукобатареи», «математик». У Константина Севастьяновича роль литературного двойника в повести играет молодой дивизионный репортёр, корреспондент армейской газеты лейтенант Нестеров. Правда, в отличие от автобиографического персонажа Солженицына, Нестеров в произведении Овечкина – один из центральных персонажей. Автор не только повествует о его участии в военных операциях, но и раскрывает его историю, приход в журналистику, начало поэтической деятельности, любовные переживания и т. д. Даже приведённое в повести стихотворение «Ветер-вестник, крылатый ветер!...»²⁵, написанное ещё ефрейтором, но в будущем военным репортёром Нестеровым, очень похоже по своему образному строю на опубликованное в газете «Амурская правда» стихотворение «Ветер с запада» самого Константина Овечкина²⁶.

Однако при всём сходстве поэтик рассматриваемых повестей они существенно отличаются друг от друга. И определяется это уже не столько жизненным материалом или своеобразием стиля (хотя эти отличия, бесспорно, существенны), сколько разным уровнем и, если можно так сказать, вектором авторского мировосприятия. А конкретно в данных произведениях – разным видением обстоятельств и условий совершаемого людьми военного подвига.

Так, в повести «Через Малый Хинган» изображён героизм «благодаря». Основной модус художественности (тип эстетического завершения) в произведении серьёзный, героический. Центральный герой (коллективный) – армия Советского Союза, смело вступившая в бой с японскими захватчиками, а всё повествование, по сути, – хроника подвигов этого главного соби-

---

²⁵ Овечкин К. С. Время, полное тревог... С. 21.

²⁶ Овечкин К. С. Ветер с запада // Амурская правда. 1944. 1 окт. С. 2.

рательного персонажа. Собирабельного, потому что героизм армии создаётся в повести посредством описания подвигов конкретных солдат, а также тех, кто ими управляет – военных и партийных командиров. Показателен в этом плане героический образ парторга первого батальона лейтенанта Сергеечева:

«<...> Медлить нельзя. Надо внезапно, с ходу взять высоту, что маячит вот там и огрызается пулемётным огнём. / Подхваченный азартом боя, стреляя на ходу из автомата, Сергеечев крикнул:

– Вперёд, за Родину!

И влился в цепь солдат, повёл их за собой!

А справа уже слышен голос командира роты старшего лейтенанта Плюснина:

– Ура-а-а!»²⁷.

Овечкин оказывается достойным последователем классиков соцреалистической литературы, положительно рисующих сложившуюся политическую систему, искренне не допускающих какой-либо критики.

В повести Солженицына «Адлиг Швенкиттен» изображён подвиг военных «вопреки». Преобладающий художественный модус в произведении – трагический: открывающее повествование размышление о победах Красной Армии в Восточной Пруссии сменяется рассказом о гибели семерых бригадных шофёров от метилового спирта; гибнут в повести, но уже от рук врага, и главные герои – Боев и Балуев. Верные долгу, ответственные за вверенных им солдат и порученные задания, эти два офицера становятся жертвами необдуманных решений вышестоящего руководства, халатности и безответственности бригадного командования.

У Солженицына абсолютно противоположно, в сравнении с Овечкиным, создаются образы военных политработников. Отрицателен образ постоянно пьяного, не по заслугам возвысившегося «всего дивизиона посмешища» парторга Губайдулина. Виновным в разгроме артиллерийских дивизионов оказывается и комиссар бригады Выжлевский, отказавшийся лишить себя

---

²⁷ Овечкин К. С. Время, полное тревог... С. 17.

удовольствия в отдыхе и ужине и выполнить приказ о немедленной ночной передислокации штаба. Повинен и смершевец капитан Тарасов, по той же причине посоветовавший снять «связь и с армией, и с дивизионами», а после расстрелявший немецкого перебежчика, предупредившего о скором наступлении окружённого врага и могшего засвидетельствовать вину бригадного руководства в неожиданном провале.

Более того, эпически расширяясь, повесть становится критическим и трагическим свидетельством всей политической системы в стране: через воспоминания лейтенанта Гусева о своём отце, через размышления бывшего агронома, а на войне старшего лейтенанта Кандалинцева и т. д.

Тема войны и памяти у Солженицына, в отличие от Овечкина, тесно связаны с центральной для всего творчества писателя темой исторической трагедии русского народа в XX столетии.

Отличия между двумя повестями существенны. И, конечно, масштаб художественной объективности Овечкина не сопоставим с эпическим охватом Солженицына. Тем не менее, эти повести не исключают друг друга, а именно дополняют, свидетельствуя о многообразии писательского восприятия жизни. А тема памяти, в них реализованная и оказавшая воздействие на всю поэтическую систему произведений, определяет их нравственную соотнесённость с жизнью людей, с историей.